

Отзыв

официального оппонента на диссертацию

Анны Глебовны Гродецкой

«Проза И. А. Гончарова: 1830-е–1860-е (биографика, контекст, поэтика)»,

представленную на соискание ученой степени

доктора филологических наук

по специальности 10.01.01 – русская литература

Диссертация А. Г. Гродецкой представляет собой монографическое исследование феномена И. А. Гончарова в его и биографической, и творческой целостности. Специфика работы и, сразу же заявим, ее исключительная ценность — в том, что она заполняет многочисленные белые пятна в науке о Гончарове. Это плод многолетней работы автора, в том числе и в качестве комментатора академического издания Гончарова в 20 томах.

Автор обращается ко всем аспектам явления Гончарова — биографическим и творческим, и они выступают в разном масштабе. Биография Гончарова, как известно, по воле автора, во многом прикрыта. Недоступно во всем объеме эпистолярное наследие, скрыты или неизвестны многие факты жизни. Возможно, благодаря этому А. Г. Гродецкая расширяет понятие биографии (вводя термин биографика, необязательный и, как нам кажется, не совсем удачный). Но ценным является то, что понятие биографии расширяется в сторону не только близкого жизненного окружения, но и духовной атмосферы эпохи, начиная с истоков — дома Майковых, и завершая — коллизией с творчеством Чернышевского периода ссылки, то есть временем, когда романистика Гончарова уже была завершена. Таким образом, нет той отграниченности от времени и эпохи, которой грешат многие подобные по жанру исследования. Задача автора — изучение различных аспектов соотнесения художественного текста с «текстом жизни» и «текстом эпохи».

Иными словами, эмпирическое на первый взгляд исследование, отдельными своими гранями побуждает к широким обобщениям и литературного, и внелитературного характера.

Разумеется, автор опирается на фундамент всей науки о Гончарове, не только отечественной, но и западной. Можно утверждать, что представленная к защите работа являет собой определенный этап в науке: это итог и начало. Начало потому, что

открываются новые исследовательские сюжеты и пути, далеко ведущие от личности и творчества Гончарова.

Закономерно, что работа начинается с Дома Майковых. Автор справедливо отвергает принятое «кружок» или «салон» и настаивает на «дом», потому что это дом бѣсприютного Ивана Александровича в буквальном смысле слова, это истоки его мироощущения, определившего специфику его творческой манеры, это и широкое явление русской культуры. В самом доме царила идиллическая атмосфера, и идилличность — неперемѣнное качество всех трех гончаровских романов. С домом Майковых связаны и первые литературные опыты Гончарова. В работе впервые проведен комплексный проблемно-тематический, жанрово-типологический и структурный анализ ранних произведений писателя, реконструирован контекст его раннего творчества. В рукописных изданиях Майковых состоялся дебют Гончарова. Эти первые опыты — повести «Лихая болѣзнь» и «Счастливая ошибка», не имеющие самостоятельной художественной ценности, значимы в том отношении, что в них, как показала А. Г. Гродецкая, «намечаются важнейшие персонажные модели гончаровской прозы и оформляется ряд структурных элементов, которые останутся устойчивыми и специфичными для его поэтики, в частности, принцип оппозитивности, генетически связанный с системой романтических оппозиций». Из этого выросли те оппозиции, которые доминируют в структуре гончаровских романов (Адуевы — дядя и племянник, Обломов и Штольц). На тончайшем стилистическом уровне была прослежена связь этих дебютных повестей не только с ранним очерком «Иван Савич Поджабрин», но и с некоторыми мотивами «Обломова».

А. Г. Гродецкой принадлежит заслуга фактического открытия такой фигуры, как Владимир Солоницын. Помимо той роли близкого друга семьи Майковых, литератора, переводчика и пр., он запечатлен в «Обыкновенной истории» как дядюшка Адуев.

А. Г. Гродецкая сосредоточилась на одной проблеме, которую широко можно обозначить как злободневное и вечное. Традиционно сопоставление Гончарова и Тургенева. Принято видеть в Тургеневе — согласно Добролюбову — художника авангардных явлений, а в Гончарове — статичных, вплоть до арьергардных. Это как будто подтверждается всей неспешной манерой Гончарова, идиллическим колоритом русской жизни — устойчивой, а то и рутинной. А тем не менее, романы Гончарова вызвали такой общественный резонанс, такие общественные споры, которые отнюдь не уступали тургеневским. Можно утверждать, что «обыкновенная история» наивного юноши, вступившего в идеализированную им жизнь и сдавшегося ее пошлости и

жестокости, — это обыкновенная история, хорошо знакомая юности любой эпохи вплоть до наших дней. Равно как конфликт между, условно говоря, обломовским и штольцевским началами, обострившимся в России в каждом новом узле ее истории.

Автор формулирует это крайне лаконично: в «Обломове» общая авторская генерализующая тенденция определяет специфическую атемпоральную модель в романе и стратегию деисторизации исторических реалий.

Далее в диссертации рассматриваются и расшифровываются многочисленные реалии — текстовые и внетекстовые. А. Г. Гродецкой принадлежит абсолютное первенство. Она справедливо ссылается на современного исследователя: «Комментарий <...> не просто консервирует имеющиеся знания, но способствует их приращению, исправляя ошибочное и договаривая недосказанное». Приведем и замечание Ю. М. Лотмана: «Каждая “вещь” в тексте, каждое лицо и имя, т. е. все, что сопряжено в культурном сознании с определенным значением, таит в себе в свернутом виде спектр возможных сюжетных ходов. На пересечении этих потенциальных возможностей возникает исключительное богатство трансформаций...». Внутритекстовая частность, может быть, и не имела сколько-нибудь решающего значения, но она является элементом «петербургского текста». Таковы Гороховая улица, или Екатерингофский парк, либо Выборгская, так интимно напоминающая Обломовку, либо Парголово, воплощающее «дачный» Петербург. Все это в своей совокупности придает осязаемую точность и поэтическую пленительность петербургскому роману.

Уточняются некоторые реалии биографии, личности центральных героев. Опираясь на идеи А. Ф. Лосева, автор утверждает, что основные признаки-атрибуты *обломовщины* в тексте романа приобрели статус и функции знаков (символов), наделенных изоморфными явлению свойствами.

Помимо соотношения реалий в тексте и внетекстовой реальности внимание исследователя привлекает и система умолчаний. Действительно, такое маловажное событие (так и несвершившееся), как переезд на новую квартиру, занимает чуть ли не первый план повествования, а деятельность Штольца как оппозиция обломовщине так и не проясняется. Он периодически исчезает. Куда? Чем он занят?

Автор восстанавливает опущенные детали с точностью, едва ли не выходящей за пределы художественной необходимости. Образование оба героя как будто начинали в Московском университете. Штольцу этого оказалось недостаточно. Следуют немецкие университеты. Автор уточняет, какие именно, перечисляет их, поясняет специфику

каждого. Аналогичное расследование, посвященное Обломову, доказало, что образование в Московском университете он так и не завершил.

Столь же подробно — с привлечением колоссального материала — первостепенного и второстепенного, литературного и внелитературного, решается вопрос о чине Обломова. Тут возникает вопрос: если у самого писателя об этом говорится глухо и это находится вне фокуса повествования, какова необходимость в реставрации маргинальных подробностей? Предположительно — сам предмет исследования А. Г. Гродецкой выходит за пределы чисто эстетических задач и уходит в область чисто исторического исследования с присущей ему методикой и методологией.

Это замечание не в упрек. Напротив — оно указывает на ценное качество диссертации: поскольку между гуманитарными науками нет непроходимой стены, то подобное исследование о Солоницине, например, все эти разделы внутри диссертации, иногда слишком дробные и не всегда связанные между собой, достойны того, чтобы публиковаться в виде самостоятельных очерков, обогащающих как литературоведение, так и историю.

Автор останавливается на словесных штампах, присущих бытовому романтизму, столь органичному в «Обыкновенной истории» и связывающему оба романа Гончарова. Как неоднократно отмечал Ю. М. Лотман, «элементы текста <...> попадают в структуру данного сюжета уже будучи отягчены предшествующей социально-культурной и литературной семиотикой. Они не нейтральны и несут память о тех текстах, в которых встречались в предшествующей традиции».

Оригинальна ассоциация с «Новой Элоизой» Руссо. Это относится к теме любви как «прививки оспы». «Стремление куда-то вдаль, туда...» (Dahin!) — это универсальная формула романтического томления (Sehnsucht). Автор справедливо видит в этом реминисценцию «Песни Миньоны» Гете, но не ограничивается этим. Далее следует история песни Миньоны в России, ее переводы, ее отголоски, ее ассоциации, ее реминисценции... Она выбрана автором из текста «Обломова» именно в силу ее репрезентативности. Но путем цепочки ассоциаций уводит от «Обломова» в широчайший контекст культуры, не только русской, но и мировой. Таков творческий принцип всего диссертационного исследования: от второстепенной часто детали начинается длинная дорога в широкое культурное пространство, где переплетаются самые свободные ассоциации. Они не отводят от романа Гончарова, а напротив, придают ему широкое европейское звучание.

Третьему роману Гончарова посвящена следующая глава. В центре — проблема нигилизма, как всегда, взятая на широком литературном и бытовом фоне. По определению автора, Марк Волохов — это герой времени вне контекста времени. Нигилизм — как явление шестидесятых годов — уже сошел со сцены и стал предметом мемуаристики. Свойственная Гончарову анахроничность соответствует угасающей злободневности исторического явления. Это отводит обвинение во вторичности этого персонажа и поясняет его привлекательность для Веры. Все эти тезисы рассмотрены на таком колоссальном материале — художественном, бытовом, литературно-критическом, что можно с полной ответственностью признать анализ проблемы нигилизма в русской литературе исчерпывающим.

Ближе к концу исследования автор подводит итоги, говоря об эстетических константах мира Гончарова, стремясь, по выражению Дружинина, «поймать за хвост» сущность гончаровской эстетики: «пафос середины», ирония и автоирония, парность, симметричность, впервые проявившие себя в «Обыкновенной истории».

Оригинально трактует А. Г. Гродецкая «тень» Милитрисы Кирбитьевны в «Обломове». Она видит в ней фольклорный протосюжет, и это не позволяет однозначно интерпретировать образ «хозяйки» Агафьи Матвеевны, делая его семантически двойственным, двоящимся.

В заключительном разделе, посвященном восприятию Гончарова современной ему критикой, выделяются две совершенно свежие темы — «Гончаров и Чернышевский» и «Гончаров и Л. Толстой». Гончаров не был в поле внимания Чернышевского. Но многочисленные попутные высказывания критика в разные моменты жизни противоречат друг другу настолько, что оформить концептуально эту тему очень трудно. Заслугой А. Г. Гродецкой является предпринятый ею анализ ненапечатанной при жизни автора повести «История одной девушки». Здесь дан развернутый спор Благодатского (Добролюбова) и Онуфриева (Гончарова). Чернышевский, высказывающийся здесь, что Гончаров не понимал вполне смысла своего романа, явно солидарен с Добролюбовым, статью которого Гончаров высоко ценил.

Завершает работу неисчерпанная в науке тема «Гончаров и Лев Толстой». Отношения писателей, длившиеся десятилетиями, были во всех смыслах неравномерными: в их отношениях, которые начинались, когда они были «писателями круга “Современника”», и до той эпохи, когда Гончаров уже уходил из фокуса литературного процесса, а Толстой стал признанным мировым гением, существовал 30-летний разрыв. К тому же и эпистолярное наследие их сохранилось неравномерно.

Гончаров привлекал Толстого значительно меньше, чем Толстой Гончарова, это объясняется, как справедливо заметила А. Г. Гродецкая, существенным расхождением их эстетических принципов — Гончаров был типологом, в то время как антропология Толстого ценит в человеке динамику, изменчивость.

Подведем итоги. Жанр диссертационного исследования А. Г. Гродецкой весьма необычен. С одной стороны, оно состоит из множества самостоятельных разделов, за каждым из которых — колоссальный труд обращения к самым многообразным источникам: эпистолярным, архивным, мемуарным, художественным и т. д. В результате такого труда заполнятся еще одна брешь в науке о Гончарове. Но этих брешей так много и они столь разнородны, что в совокупности своей разнонаправленные изыскания автора придают явлению Гончарова цельность и завершенность. Они обращены, с одной стороны, к Гончарову и подводят, таким образом, итоги его многолетнему изучению. Но с другой стороны, они открывают новые сюжеты и развернуты в сторону русской культуры, по природе своей неисчерпаемой. Дом Майковых, его роль как культурного гнезда, а в его пределах — новые или малоизученные лица, судьбы, сюжеты — новые направления исследования. Таким образом, работа А. Г. Гродецкой — это «концы и начала», итоги и перспективы.

Автореферат и научные публикации соответствуют основным положениям и выводам работы, а сама работа полностью соответствует требованиям ВАК РФ к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук (п. 9–10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842). А. Г. Гродецкая, вне сомнений, заслуживает искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература.

О. В. Сливицкая,
доктор филологических наук,
профессор кафедры
русской литературы и детского чтения,
ФГБОУ ВПО Санкт-Петербургский
государственный институт культуры

Санкт-Петербург, Товарищеский пр., д. 14, кв. 4;
тел.: (812) 5831872; omnest@mail.ru

10 сентября 2016 г.

Подпись руки

О. В. Сливицкая

